

Статистика и реалии

О научности и ненаучности анализа правопорядка в армии

Александр ГУРА,
помощник министра
обороны по
идеологической
работе в Вооруженных
Силах – начальник
главного управления
идеологической работы
Министерства обороны
Республики Беларусь,
генерал-майор

Действенность борьбы с преступностью определяется далеко не количественными показателями числа возбужденных уголовных дел, а наличием системы, позволяющей обеспечить нормативное поведение людей с целью выполнения конкретных задач, в данном случае задач, стоящих перед армией. Такая система в Беларуси создана и демонстрирует эффективность. Тем не менее периодически возникает необходимость разъяснения сущности и особенностей ее функционирования. Прежде всего, речь идет об аналитической работе. Как правильно оценить преступность? Какие криминологические показатели применить и каково главное условие их объективности?

В 2009 году в ряде публикаций был сформулирован важный методологический вывод, касающийся криминогенной обстановки в армии [1].

Речь шла о том, что по объективным основаниям снижение количества возбужденных уголовных дел имеет определенный предел, обусловленный многочисленными факторами, в том числе криминальными, социокультурными, психологическими и иными. Соответственно, нужно говорить не столько о проблеме снижения количества этих дел, сколько о поддержании правопорядка на достигнутом уровне, что

несопоставимо сложнее, так как требует постоянной аналитической работы, оперативного внесения изменений в соответствующие системы нормативного поведения людей.

Действительно, пример белорусской армии доказал, что Вооруженные Силы являются именно тем социальным институтом государства, где реально осуществлять эффективную профилактику преступности. Итог этой работы таков, что в белорусской армии с 2004 года криминологические показатели преступности одни из самых низких в мире.

Например, среднемесячный коэффициент преступности за 6 месяцев нынешнего года в белорусской армии составил 0,20 преступлений в расчете на 1000 человек.

Много это или мало? Это почти в 1,5 раза меньше, чем в 2006–2010 годах (0,298), и более чем в 2,5 раза ниже, чем за 2001–2005 годы (0,514), а также меньше, чем в 2010 году (0,23).

Кстати, для сравнения приведем статистику преступности в вооруженных силах США, где только в сухопутных войсках в 2008 году было выявлено 9 дезертиров в расчете на 1000 военнослужащих, т.е. среднемесячный коэффициент преступлений данного вида составил 0,75, а это в несколько раз выше, чем показатель всех правонарушений в белорусской армии в расчете на 1000 человек.

Но вернемся к нашим проблемам, связанным с аналитикой.

ОБ АВТОРЕ

ГУРА Александр Николаевич.

Родился в 1958 году в г. Житомире (Украина). В 1979 году окончил Ульяновское высшее военно-техническое училище, в 1994 году – Гуманитарную академию Вооруженных Сил Российской Федерации. Служил на различных должностях в Краснознаменном Приволжском военном округе, Группе советских войск в Германии, Краснознаменном Белорусском военном округе, Северной группе войск.

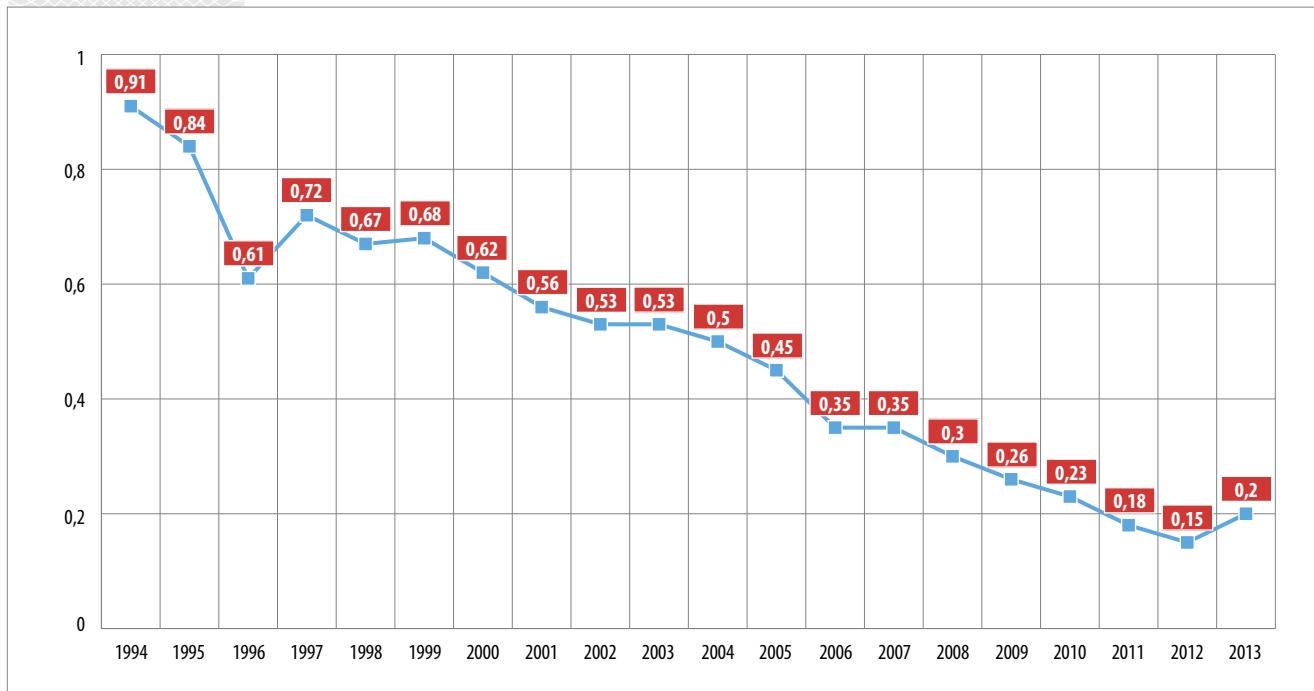
С 1992 года проходил службу в Министерстве обороны Республики Беларусь в должностях начальника группы, начальника отдела управления воспитательной работы и информации. С 2001 года – начальник управления делами министра обороны – помощник министра обороны Республики Беларусь, с 2003 года – помощник министра обороны по морально-психологическому обеспечению Вооруженных Сил – начальник управления морально-психологического обеспечения Министерства обороны Республики Беларусь.

С 2005 года – помощник министра обороны по идеологической работе в Вооруженных Силах – начальник главного управления идеологической работы Министерства обороны Республики Беларусь. Генерал-майор.

Кандидат психологических наук (2000).

Автор монографии и около 30 научных публикаций.

Сфера научных интересов: идеология обеспечения военной безопасности государства, военная психология, военная социология, военная педагогика, теория коммуникации.

▲ Среднемесячный коэффициент преступности (количество преступлений на 1000 военнослужащих)

Приведем достаточно убедительный пример. Дело в том, что анализ преступности не может сводиться к механическому арифметическому сопоставлению отдельных показателей. В 2010 году в одном из воинских формирований руководители предъявили претензии командиру части за то, что в вверенном ему коллективе было выявлено, кстати самим командиром, две кражи. Аргументы при предъявлении соответствующих претензий звучали вполне конкретно: у вас рост преступности в два раза – в прошлом году данных преступлений вообще не было.

Но нельзя же таким образом пытаться анализировать преступность. Есть нормативная база, регламентирующая ее анализ, учебники по криминологии и социологии, наконец, по прикладной математике, математической статистике. Есть закон больших чисел, согласно которому совместное действие большого числа независимых случайных факторов приводит к результату, в пределе не зависящему от случая. То есть для того, чтобы судить о значимости тех или иных показателей, необходима достаточно большая выборка.

Кстати, стремление осуществлять оперативный анализ правонарушений в отдельных органах управления (как сравнение количества преступлений за месяц

с соответствующим периодом в прошлом году), далеко не соответствует научным требованиям.

Еще в 1996 году был проведен корреляционный анализ динамических рядов преступности в белорусской армии по месяцам за несколько лет, который продемонстрировал, что никакой взаимозависимости между соответствующими показателями нет. Коэффициент корреляции оказался близким к нулю. То есть если и сравнивать показатель преступности за месяц, то только в крупном воинском формировании и не с предыдущим месяцем (тем более этим же периодом год назад), а среднестатистическими показателями за пятилетие. Хотя по этим данным весьма проблематично выйти на строго научный результат. За один месяц даже в Вооруженных Силах, а не то что в воинском формировании, количество преступлений, как правило, имеет случайный характер. Количество преступлений за год – это уже математически значимый результат.

Одновременно нужны дополнительные пояснения по поводу укоренившегося примитивного арифметического анализа правопорядка на основе подсчета количества правонарушений за определенный период.

Говоря о несовершенстве подобной системы оценки воинской дисциплины

(только по количественным показателям возбужденных уголовных дел или дисциплинарных взысканий), следует иметь в виду, что корни этой проблемы находятся в глубоком историческом прошлом. Не случайно в начале XX века в военных изданиях периодически появлялись статьи, где офицеры сетовали на несправедливость их наказания за проступки подчиненных [2, с. 349].

Подобная же далеко неадекватная система оценки существовала и в Советской армии. Об этом подробно написано, в частности, генералом А.И. Владимировым [3, с. 548–549].

В мирное время отслеживать реальное состояние Вооруженных Сил очень непросто. Нужна большая контролирующая и аналитическая работа. Поэтому одним из повседневных, а со временем и главных показателей состояния Вооруженных Сил СССР, объединений, соединений и воинских частей стала воинская дисциплина, а точнее – количественные показатели зарегистрированных преступлений и иных правонарушений. Их легко подсчитать, сопоставить, ранжировать. Соответственно, криминальная статистика со временем стала для вышестоящих начальников простым и удобным критерием оценки деятельности подчиненных командиров. Так сложилась порочная система, которая позволяла вышестоящему командованию без доскональных проверок и глубоких анализов реальной обстановки в воинских частях и подразделениях принимать решения в отношении подчиненных командиров, наказывать и поощрять их, снимать с должностей и продвигать по службе, создавая видимость управленческой деятельности.

Фетишизация уголовного учета, помимо прочих негативных последствий, создала благоприятную базу для формирования далеко не лучших командирских и человеческих качеств. Сложившаяся система оценок сначала заставляла командование скрывать совершенные преступления, а затем, если оно оказывалось недостаточно ловким, наказывала за сокрытие. Перед стоящим над ним начальством возникала та же дилемма: доложить наверх – самому можно получить взыскание, скрыть – тоже можно быть наказанным.

Этой порочной системе, как считали некоторые специалисты в области уголовного

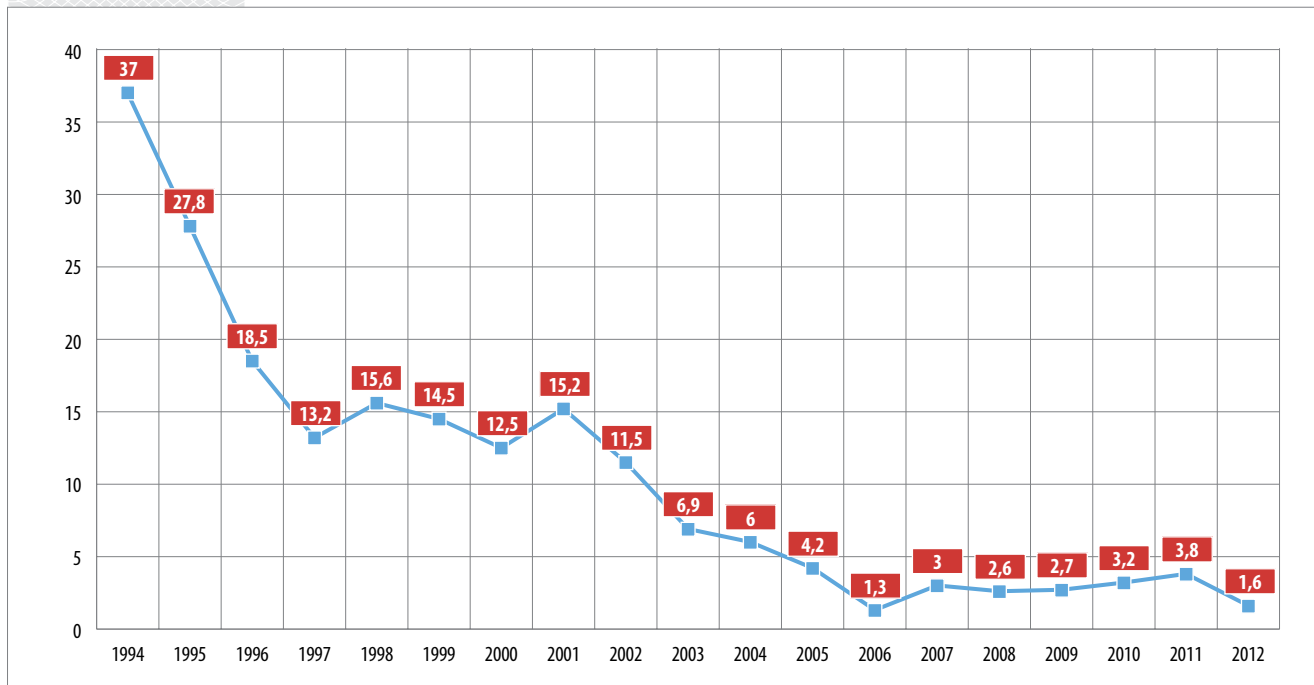
права и криминологии, например доктор юридических наук, профессор В.В. Лунеев, способствовали далеко несовершенные правовые акты, предоставляющие командиру огромные процессуальные права, позволявшие по собственному усмотрению оценивать противоправное поведение подчиненного в качестве дисциплинарного проступка или преступления. Субъективистский взгляд на преступность, порочные способы оценки деятельности воинских должностных лиц и подогнанное к этому законодательство по существу разрушали правовые основы воинской дисциплины, переводили пути ее укрепления из области права в сферу личных интересов должностных лиц [4].

На столь сомнительной правовой и практической основе складывалось очко-вторительство с круговой порукой общегосударственного масштаба. Скрытые от учета и расследования преступления загоняли криминальные болезни вглубь воинских отношений. Управляемая статистика же «подтверждала» наличие огромного воспитательного потенциала военной службы. Что, в свою очередь, «оправдывало» субъективистские лозунги.

В Вооруженных Силах Республики Беларусь уже во второй половине 1990-х годов во многом была оптимизирована нормативная база укрепления правопорядка, в

▼ На военном параде в честь Дня Независимости в Минске. 2013 год

▲ Уклонения от службы в структуре преступности (%)

правовых актах закреплено требование о всемерной поддержке руководителей, вскрывающих негативные явления, их причины и принимающих соответствующие меры по утверждению организованности и правопорядка.

Вместе с тем стереотипы прежней деятельности оказались достаточно сильны. Во многих воинских коллективах в 1990-е годы приоритет по-прежнему был отдан количественной составляющей, а качественная характеристика преступности оставалась вне сферы внимания должностных лиц.

Поэтому при разработке новой нормативной правовой базы укрепления и поддержания правопорядка в 2001–2002 годах максимально были усилены положения, гарантирующие правовую защиту командиров, начальников, бескомпромиссно принимающих меры по утверждению законности. Кроме того, для анализа преступности в видах Вооруженных Сил было предусмотрено 12 криминологических показателей. Эти показатели необходимы, прежде всего, для выявления тенденций изменения криминогенной обстановки и принятия адекватных мер реагирования.

Кстати, внедрение данной системы проходило небезболезненно. В 2003 году министр обороны вынужден был лично проводить специальное занятие с руководящим

составом, чтобы разъяснить требования по поддержанию дисциплины.

Этому содействию предшествовал факт наказания командира, возбудившего уголовное дело в связи с неуставными взаимоотношениями, кстати, не приведшими к каким-либо тяжелым последствиям. Причем оно полностью соответствовало идеологии поддержания правопорядка и однозначно свидетельствовало о стремлении соответствующего начальника навести должный порядок. Но поскольку в психологии отдельных руководителей оказались глубоко укоренены порочные методы псевдоборьбы с преступностью, начальник, в чьем подчинении находилась данная воинская часть, после беседы с вышестоящим руководителем оказался в предынфарктном состоянии в госпитале, а сам командир получил взыскание.

Вот и пришлось на специальном занятии министру разъяснять, что если пресекается покушение или приготовление к совершению преступления, если командир выявляет преступление и своевременно возбуждает уголовное дело, то он наводит силой закона порядок и должен всемерно поддерживаться.

И наоборот, если о факте тех же неуставных взаимоотношений командир узнает только после нанесения травмы,

например от врача, проводившего операцию пострадавшему, то грош цена такому начальнику, не принявшему мер для своевременного выявления и пресечения преступлений.

Кстати, именно в 2003 году был зафиксирован рост числа возбужденных уголовных дел по фактам неуставных взаимоотношений до 99 (134 участника). Последовали даже недоуменные вопросы по поводу якобы провалов в работе по укреплению правопорядка.

Но при этом сократился травматизм, значительно уменьшились правонарушения, связанные с уклонениями от воинской службы, в том числе их доля в структуре преступности.

В последующие годы закономерно произошло и общее снижение преступности по всем криминологическим показателям.

Но что происходит в текущем году?

Увидев некоторый рост числа учтенных уголовных дел в 2013 году и руководствуясь тем самым примитивным арифметическим подходом к анализу преступности, впору забить тревогу – дескать, все рухнет, теряется управление и т.д.

Ничего не теряется. Наоборот, посредством закона наводится должный порядок, и никакие иллюзии псевдогуманизма по отношению к правонарушителям здесь не уместны.

Как указывалось выше, криминологические показатели текущего года даже ниже, чем в 2010 году.

При этом сравнивать количество возбужденных уголовных дел за первое полугодие и даже за 9 месяцев 2013 года с соответствующим периодом прошлого года более чем некорректно. В том числе и потому, что из всех преступлений, учтенных в текущем году, 50 % были совершены в предшествующие годы.

О чем это говорит? Только о том, что эффективно работает система поддержания правопорядка. Эффективно работают военная прокуратура и другие органы, которые обеспечивают неотвратимость выявления любых правонарушений и наказания виновника. Но эти 50 % по определению не могут учитываться при анализе преступности. Для объективного анализа следует сравнивать количественные показатели данного года со среднестатистическими показателями хотя бы за пятилетие.

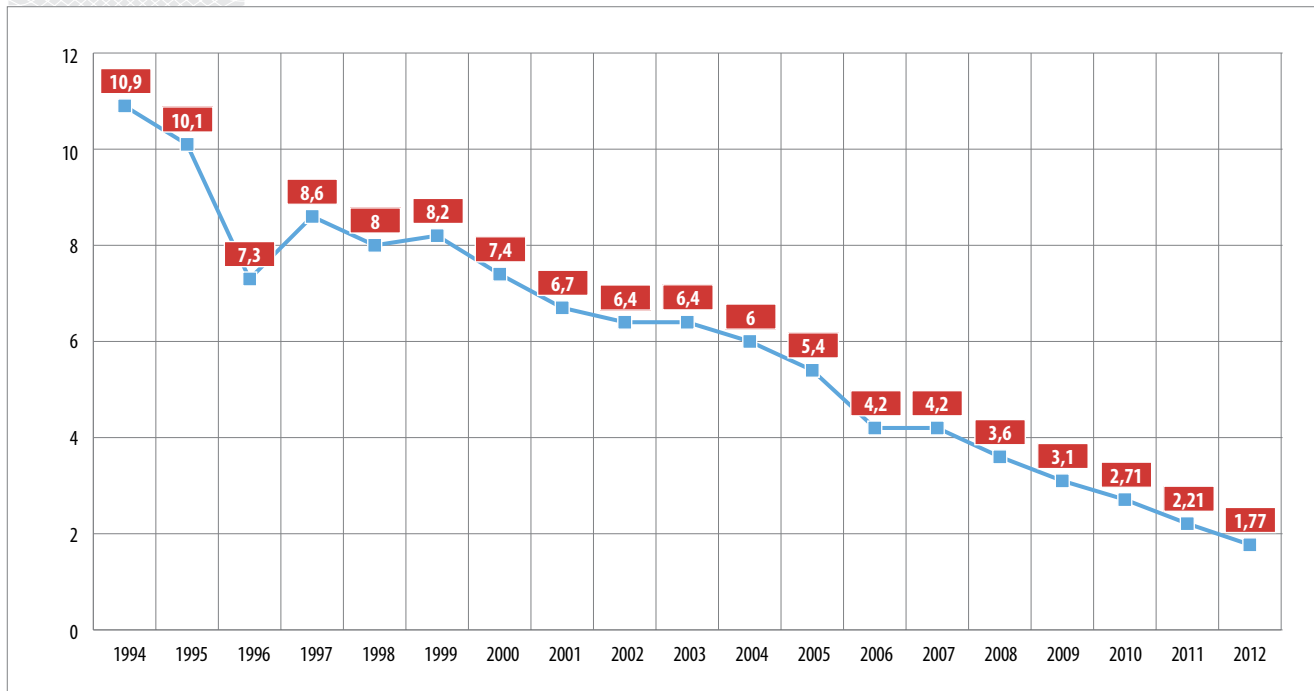
Также следует обратить внимание на такой криминологический показатель, как тяжесть преступности – среднестатистический срок лишения свободы. В конце 1990-х годов по Вооруженным Силам этот показатель составлял примерно 2,5 года. А за первое полугодие текущего года – около 1 года и 1 месяца, а по неуставным взаимоотношениям – 3,5 месяца.

Что же касается числа учтенных в текущем году уголовных дел, половина которых отражает события предыдущих лет, то это объясняется изменившимися условиями. Например, на протяжении почти десяти лет мы не призывали лиц, имевших снятую судимость. Но сегодня есть демографические проблемы, и последние три года в армию призываются лица, ранее имевшие опыт криминального поведения (до 6 % в отдельные призывы).

Безусловно, это отражается на характере преступности. Так, в текущем году на одну треть сократились правонарушения, совершенные офицерами, на четверть – прапорщиками. Но возросли преступления, совершенные военнослужащими срочной военной службы, в основе которых, прежде всего, хулиганские действия, выразившиеся в неуставных взаимоотношениях. Все это закономерно потребовало принятия конкретных правовых мер по блокированию соответствующих тенденций.

▼ Во время церемонии принятия военной присяги в 72-м объединенном учебном центре под Борисовом. 2013 год

▲ Коэффициент преступности (количество преступлений на 1000 военнослужащих)

Поэтому и возросли некоторые криминологические показатели. Тем не менее они несопоставимо ниже, чем в армии любого из государств, а также меньше, чем в 2010 году в нашей армии, что свидетельствует о действенности созданной системы профилактики преступности.

Но совершенствованию системы поддержания правопорядка нет предела.

С целью повышения эффективности профилактики правонарушений нами предлагался ряд принципиально новых решений, которые должны осуществляться комплексно.

Во-первых, декриминализация отдельных статей Уголовного кодекса, вплоть до освобождения от уголовного преследования по отдельным статьям (нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, оскорбление начальника подчиненным или подчиненного начальником и ряд других) и замены его применением правил Дисциплинарного устава (при наличии смягчающих обстоятельств).

Во-вторых, максимальное усиление роли командира воинской части в обеспечении нормативного поведения военнослужащих. Предлагалось значительно расширить дисциплинарные права командира воинской части.

Речь идет о том, что один из важнейших принципов поддержания правопорядка – обеспечение неотвратимости наказания правонарушителя в соответствии с законодательством. Если оперативно пресекается любое нарушение дисциплины, не являющееся уголовным преступлением, то вероятность совершения военнослужащим уголовного правонарушения радикально снижается.

Для чего предлагалась декриминализация?

В соответствии с Уголовным кодексом, лицо, совершившее воинское преступление, не представляющее большой общественной опасности, при смягчающих обстоятельствах может быть освобождено от уголовной ответственности с применением правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Но сегодня в соответствии с законодательством определение категорий преступлений в зависимости от характера и общественной опасности осуществляется не по реальным последствиям проступка, а на основании максимального срока лишения свободы за данное деяние.

Так, к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, относятся деяния, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения

свободы на срок не свыше 2 лет или иное более мягкое наказание.

В соответствии с частью 1 статьи 443 Уголовного кодекса (нарушение уставных правил взаимоотношений) максимальное наказание предусмотрено до 4 лет лишения свободы. Это значит, что любое нарушение уставных правил взаимоотношений всегда является менее тяжким преступлением, и командир не вправе даже при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствии каких-либо последствий оформлять представление об освобождении от уголовной ответственности с применением правил Дисциплинарного устава.

При снижении максимального срока лишения свободы до 2 лет данное преступление подпадает под категорию «не представляющее большой общественной опасности», и лицо, его совершившее, может быть освобождено от уголовной ответственности с применением мер дисциплинарной ответственности.

Что более действенно по отношению к правонарушителю: немедленно арестовать его в дисциплинарном порядке за нарушения уставных правил взаимоотношений хотя бы на 10 суток с содержанием на гауптвахте (разумеется, если нет тяжких последствий) или назначить наказание в виде определенного срока лишения свободы, но условно (после нескольких месяцев следственных действий и судебных разбирательств с отрывом огромного числа людей, свидетелей и т.д.), то есть оставить деяние, по существу, без реального наказания? Кстати, около 50 % уголовных дел по неуставным взаимоотношениям завершились осуждением с условным применением наказания. Это значит, что суд постановил не приводить в исполнение назначенное наказание, если в течение определенного судом испытательного срока осужденный не совершит нового преступления и будет выполнять возложенные на него судом обязанности.

В настоящее время реализуется первое предложение по гуманизации законодательства, декриминализации отдельных статей Уголовного кодекса.

Что касается расширения дисциплинарных прав командира, то следует обратить внимание на следующее.

Разумеется, арест с содержанием на гауптвахте не панацея от всех бед. Но лю-

бой командир и начальник знает, что среди методов воспитания наряду с убеждением, упражнением, примером и иными есть принуждение, также являющееся классическим методом. И в зависимости от условий применяется наиболее оптимальный метод. Бесполезно убеждать, проводить душещипательные беседы с военнослужащим, который, например, пререкается со своим командиром. Ибо пререкание – не что иное, как покушение на неповиновение, и пресекаться должно немедленно в рамках закона.

В этом отношении нуждается в дальнейшем совершенствовании и само уголовное законодательство, обеспечение его соответствия складывающейся обстановке и прогнозным криминальным рискам.

Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь ответственность за неповиновение, то есть за открытый отказ от выполнения приказа командира, начальника, несопоставимо ниже, чем за превышение власти, сопряженное с насилием. В соответствии со статьей 438 Уголовного кодекса неповиновение наказывается ограничением по военной службе на срок до 2 лет, или арестом на срок до 6 месяцев, или лишением свободы на срок до 2 лет. То есть это преступление в соответствии с законодательством не представляет большой общественной опасности. Кстати, неисполнение приказа наказывается лишь ограничением по военной службе до 1 года, или арестом на срок до 3 месяцев, или лишением свободы на срок до 1 года.

Для сравнения: превышение власти или служебных полномочий, сопряженное с насилием, наказывается ограничением по военной службе на срок до 2 лет, или ограничением свободы на срок от 2 до 5 лет, или лишением свободы на срок от 3 до 10 лет. То есть это всегда тяжкое преступление вне его последствий.

Не отрицая социальной опасности превышения власти, необходимо видеть не меньшую социальную опасность неповиновения. А именно оно и подрывает главный принцип, на котором основана военная организация, – единоначалие.

Безусловно, за превышение власти командир будет нести ответственность, но и за неповиновение ответственность должна быть не меньшей, чем за превышение власти.

И еще по поводу аналитики. До сего времени мы осуществляли совершенствование системы анализа в рамках действующей системы учета преступности и ее характеристики с точки зрения общественной опасности, о чем говорилось выше. Но здесь не все так просто.

Не следует смешивать систему учета правонарушений с системой анализа. Цель учета – создать необходимые условия для глубокого объективного анализа преступности и обеспечить неотвратимость принятия мер в отношении правонарушителей. Цель анализа – выявить криминогенные тенденции, осуществить прогностическую оценку криминогенной ситуации с применением строго научных методов для принятия комплекса мер.

Но только по возбужденным уголовным делам текущего года вне учета временных рамок совершения преступлений, сроков их выявления и множества иных факторов говорить о настоящем анализе бессмысленно. Тем более что 50 % событий преступлений, учтенных в 2013 году, произошло в предшествующие годы.

Соответственно, для видения динамики преступности нужно, как минимум, прибавить данные преступные деяния к количественным показателям соответствующего года в прошлом. Это легко сделать с помощью компьютерных программ, так сказать, в автоматическом режиме. Но, самое главное, последнее слово в анализе преступности должен сказать суд. Принцип презумпции невиновности был и остается. Только суд вправе решить, виновен ли человек и какова тяжесть правонарушения. А значит, нуждается в законодательном закреплении принципиально новая система оценки тяжести преступления.

Нынешняя система оценивает тяжесть преступления не по реальным последствиям преступного деяния, а на основании максимального срока лишения свободы за данное преступление. Вот и получается, что неповиновение, неисполнение приказа (то есть покушения на первооснову функционирования любой армии) не представляют большой общественной опасности, так как максимальные срок лишения свободы соответственно 2 и 1 год. Но коррупционное преступление – получение взятки, даже если по нему не принято никаких мер уголовной ответственности (в связи с раскаянием и малозначительностью суммы – взятка оказалась коробкой конфет), – это всегда тяжкое преступление. Потому что получение взятки максимально наказывается лишением свободы на срок до 7 лет. Вот и получается парадокс: никто не осужден, а преступление регистрируется как тяжкое только потому, что в Законе предусмотрен максимальный срок лишения свободы за подобное деяние до 7 лет.

Поэтому здесь есть широкое поле деятельности для дальнейшего совершенствования законодательства и системы анализа преступности.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что даже в условиях некоторого роста числа возбужденных уголовных дел в текущем году в белорусской армии криминологические показатели являются одними из самых низких в мире. При этом общее состояние дел, эффективность системы поддержания правопорядка определяются не количеством возбужденных уголовных дел, а способностью Вооруженных Сил выполнять задачи по предназначению.

И впредь позиция военного ведомства будет неизменной в отношении наведения порядка и дисциплины. Как и прежде, будет обеспечена всемерная поддержка офицеров, вскрывающих правонарушения до наступления по ним тяжких последствий.

Ибо главные критерии эффективности работы по поддержанию дисциплины – выполнение задач, стоящих перед армией, при сохранении жизни и здоровья людей, недопущении тяжких последствий правонарушений. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев, Л.С. Дисциплина как важнейший фактор поддержания боеготовности войск / Л.С. Мальцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mod.mil.by/discipline.html>. – Дата доступа: 10.06.2013.
2. О пределах ответственности начальников за проступки подчиненных // Офицерская жизнь. – 1906. – № 23.
3. Владимиров, А.И. Стратегические этюды: Тезисы к новой философии государственного и военного строительства России / А.И. Владимиров – М.: ЮКЭА, 2002. – 608 с.
4. Лунеев, В.В. Проблема реалистичности борьбы с преступностью в войсках / В.В. Лунеев // Проблемы профилактики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими: материалы науч.-практ. конференции, 21 окт. 1998 г. – М., 1999. – С. 35–36.